

Научная статья

УДК 811.13

DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-135-146

Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы

Седых А. П.^{1,2*}, Чижова А. О.³, Быканова М. С.⁴

¹ Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

³ Институт международных экономических связей, г. Москва, Российская Федерация

⁴ Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород,
Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: sedykh@bsuedu.ru

Поступила в редакцию 19.09.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Аннотация

Цель. Анализ и описание современного состояния категории артикля в романских языках.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контрастивный метод с элементами лингвокогнитивного подхода. Проведён анализ артиклевого узуса в испанском, португальском, румынском и французском языках. Выявлена типология использования артикля в четырёх форматах функционирования: определённый, неопределённый, партитивный, нулевой.

Результаты. Доказано, что к общероманским особенностям артиклевого узуса в рассмотренных языках относится использование определённого артикля. К частным особенностям использования артиклей в романских языках относится специфическое дискурсное функционирование партитивного артикля во французском языке и лингвокогнитивные особенности отпущения артикля (нулевой артикль) в португальском, испанском и румынском языках. Показано, что артикль может выполнять несколько функций в высказывании, например роль определённого или неопределённого детерминанта имени, а также играть роль актуализатора, преобразуя *виртуальное* существительное в *реализованное* существительное, или может вводить именную группу с гиперонимом, который относится к множеству обозначаемых существительных. Делается акцент на различии между его использованием в «центральном» языке, таком как французский, и в так называемых «периферийных» языках, таких как испанский и португальский, с одной стороны, и румынский, с другой. При сравнении употребления артикля в романских языках обнаружено, что нулевой артикль чаще встречается в так называемых «периферийных» языках, чем во французском стандартном языке. Данный факт объясняется тем, что артикль-зеро является своеобразным эквивалентом французского партитивного артикля, так как с формальной точки зрения первый может коррелировать с неопределённым артиклем *un/une* в отрицательном предложении и, в определённой степени, с неопределённым артиклем множественного числа *des*. Предлагаются перспективы дальнейших лингвокогнитивных и контрастивных исследований функциональных эквивалентов категории артикля в дистантных языках.

Теоретическая и практическая значимость заключается в раскрытии лингвокогнитивного потенциала артиклевого узуса в романских языках, а также конструктивных функций существительного в синергетической связи с употреблением артикля. Наиболее значимые теоретические результаты сравнения касаются субъекта, прямого объекта, атрибута субъекта и дополнения с предлогом. Результаты исследования могут быть применены в вузовских курсах по теоретической и практической грамматике романских языков.

Ключевые слова: артикль, интенционал, экстенционал, романские языки, испанский язык, португальский язык, румынский язык, французский язык

Для цитирования:

Седых А. П., Чижова А. О., Быканова М. С. Артикль в романских языках: контрастивный и лингвокогнитивный подходы // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 135–146. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-135-146>.

Original research article

ARTICLES IN ROMANCE LANGUAGES: CONTRASTIVE AND LINGUISTIC-COGNITIVE APPROACH

A. Sedykh^{1,2*}, A. Chizhova³, M. Bykanova⁴

¹ *Moscow International University, Moscow, Russian Federation*

² *Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation*

³ *Institute of International Economic Relations, Moscow, Russian Federation*

⁴ *Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation*

**Corresponding author, e-mail: sedykh@bsuedu.ru*

Received by the editorial office 19.09.2024

Accepted for publication 04.10.2024

Abstract

Aim. To analyze and describe the current state of the article category in Romance languages.

Methodology. The key research method was the contrastive method with elements of the linguistic-cognitive approach. An analysis of article usage in Spanish, Portuguese, Romanian and French was carried out. A typology of article use in four functioning formats has been identified: definite, indefinite, partitive, zero.

Results. It has been proven that the general Romance features of article usage in the languages under consideration include the use of the definite article. Particular features of the use of articles in Romance languages include the specific discourse functioning of the partitive article in French, and the linguistic-cognitive features of the absolution of the article (zero article) in Portuguese, Spanish and Romanian. It is shown that the article can perform several functions in a statement, for example, the role of a definite or indefinite determiner of a name, and also play the role of an actualizer, transforming a virtual noun into a realized noun, or it can introduce a noun phrase with a hyperonym that refers to the set of designated nouns. Emphasis is placed on the difference between its use in a "core" language such as French and in so-called "peripheral" languages such as Spanish and Portuguese on the one hand, and Romanian on the other. Comparing the use of the article in Romance languages, it is found that the zero article is more common in the so-called "peripheral" languages than in standard French. This fact is explained by the fact that the article zero is a kind of equivalent of the French partitive article, since from a formal point of view the first can correlate with the indefinite

article un/une in a negative sentence and, to a certain extent, with the indefinite article of the plural des. Prospects for further linguistic-cognitive and contrastive studies of functional equivalents of the article category in distant languages are proposed.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in revealing the linguistic-cognitive potential of article usage in Romance languages, as well as the constructive functions of the noun in a synergistic connection with the use of the article. The most significant theoretical results of the comparison concern the subject, direct object, subject attribute, and prepositional complement. The results of the study can be applied in university courses on theoretical and practical grammar of Romance languages.

Keywords: article, intensional, extensional, Romance languages, Spanish, Portuguese, Romanian, French

For citation:

Sedykh, A. P., Chizhova, A. O. & Bykanova, M. S. (2025). Articles in Romance languages: contrastive and linguistic-cognitive approach. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 135–146. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-135-146>.

Введение

Каждому языку соответствует определённая организация данных опыта. Изучение другого языка – это не навешивание новых ярлыков на известные объекты, а способ привыкания иначе анализировать то, что является предметом языкового общения. Адресату легче и экономичнее интегрировать сообщение в своё мировоззрение, если он знает, что в его распоряжении, согласно Х. Вайнриху, есть «пред-информация, пост-информация или ни одна из них»¹. В этом заключается роль именной детерминации (субстантивной определённости), обозначающей способ введения существительного в речь. Очевидно, что важность выражения *определённости* не одинакова во всех языках. Хотя многие из них формально обладают артиклевыми структурами или используют специальные формы их замещения, часть языков функционирует без этой категории. Даже среди тех языков, в которых артикль реально есть, например в романских языках, существуют различия в его использовании.

По мнению многих лингвистов, артикли образуют ограниченный набор

языковых знаков, основная функция которых – конкретизировать и идентифицировать существительное, к которому они относятся² [1–5]. Имя, прежде чем оно будет использовано в речи и актуализировано, представляет собой лишь понятие и не имеет референта. Так, Гюстав Гийом различает имя *потенциальное* (*nom en puissance*) и имя *реализующееся* (*nom en effet*). Согласно концепции французского лингвиста, прежде чем употребить существительное в речи, говорящему необходимо сделать выбор-захват (*une saisie*): либо существительное продолжает не иметь референта и оно всегда является понятием, которое оно обозначает (нулевой артикль), либо референт только что «введён» в дискурс и считается «неопределённым» (неопределённый артикль), либо референт считается достаточно известным (уже введённым в дискурс или общеизвестным), и в этом случае существительное сопровождается определённым артиклем [6].

¹ См.: Weinrich H. L'article dans le texte: le profil informatif // Weinrich H. Grammaire textuelle du français. Paris: Didier, 1989. P. 205.

² См.: Богоявленская Ю. В. Практическая грамматика французского языка: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 171 с.; Сапрыкина О. А. Лексикология португальского языка. М.: Ленанд, URSS, 2020. 200 с.; Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород: Эпицентр, 2021. 252 с.

Некоторые филологи считают, что каждое имя имеет своё расширение (*экстенционал*), так как, с одной стороны, обозначает все объекты, способные быть названными этим именем, с другой – имя обладает своим *интенционалом* (свойствами, которые соответствуют только этому номинанту). «Детерминаторы», в частности артикли, уточняют степень «протяжённости» существительного в дискурсе, а именно его экстенсивность¹.

Здесь более подробно сосредоточимся на переходе от имени *в потенциале* к имени *в действии* и на том, что можно было бы назвать *определённым* или *неопределённым* характером *маркирования*, что гипотетически может оказаться ни тем, ни другим. Чтобы увидеть сходства и различия в выражении этих признаков среди романских языков, были выбраны следующие: французский как «центральный» язык, где употребление артикля ярко выражено и семиотически маркировано, и три «периферийных» языка, а именно португальский и испанский, с одной стороны, и румынский, с другой, каждый со своей спецификой употребления артикля. Термины «центральный» и «периферийный» не являются оценочными, а отражают лишь степень (высокую / низкую) интенсивности и значимости артиклевого узуса.

Происхождение и формы артикля

Латынь в её классической форме не знала артикля. Лишь позже, и особенно в народной латыни, эту роль начинают играть демонстративы. В системе указательных форм в латыни различались формы, выражавшие дейктический контраст местоимениями (HIC, ISTE, ILLE) и немаркированную форму указательного местоимения (IS). После исчезновения IS и HIC система состояла из форм без маркировки ILLE, IPSE (IPSE сначала была

формой ударения: Caesar ipse – сам Цезарь) и форм с маркировкой ISTE, IPSE, ILLE. Немаркированные формы ILLE и IPSE преобразовались между III и VIII вв. в определённые артикли. В поздних латинских текстах I тысячелетия формы от IPSE получили большее распространение, хотя впоследствии они исчезли, но сохранились только в сардинском языке (логудорский *su, sa, sos, sas*, кампиданский *su, sa, is*) и в некоторых каталанских диалектах (например, на острове Майорка, в топонимах Сабарта, Залана вместо Барта, Лана)².

Артикль появился в романских языках как выражение анафоры, и лишь позднее его употребление распространилось для обозначения уникальных явлений при помощи абстрактных существительных, выражающих неотчуждаемое обладание или передающих родовое употребление имён³.

Во французском языке артикль почти обязательный детерминант, поскольку он указывает на то, что слово является существительным и выражает род и число. С другой стороны, в креольских языках определённый артикль появляется лишь спорадически и лишь как составная часть существительного; для выражения специфики или статуса существительного используются другие средства, например наречия места.

Сравнивая романские языки, можно заметить, что довольно редко встречается маркированность множественного числа со значением неопределённости, за исключением французского языка. Например, в румынском языке достаточно существительного во множественном числе без определённого артикля, чтобы это существительное стало вектором неопределённости. Даже в самых близких

¹ См.: Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the US Census // Journal of Language and Politics. 2004. Vo. 3. Iss. 3. P. 507–534. DOI: 10.1075/jlp.3.3.08lee.

² См.: Els diccionaris de l'Enciclopèdia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diccionari.cat> (дата обращения: 13.12.2023). Далее – Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

³ Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. Paris: JC Lattès, 2014. P. 126.

к французскому языкам, таких как окситанский или каталанский, неопределённый артикль во множественном числе употребляется реже, чем во французском.

В корсиканском языке неопределённый артикль не имеет множественного числа, как и в ретороманском языке или в сардинском языке. В итальянских грамматиках говорится, что неопределённый артикль не имеет множественного числа; с другой стороны, то, что называется множественным числом частичного артикля, скорее соответствует множественному числу неопределённого артикля во французском языке (*ci sono dei soldati* = это какие-то солдаты). В любом случае неопределённый артикль, как и частичный артикль в единственном числе, не является обязательным (*tu hai (dei) libri interessanti* = у тебя есть (несколько) интересных книг) и не употребляется в отрицательном предложении: *non ho amici* = у меня нет друзей [7].

Как и неопределённый артикль множественного числа, партитив во всех романских языках особенно чётко маркирован во французском языке. Это единственный романский язык, в котором частичный артикль используется систематически, при спорадическом употреблении в итальянском и, в некоторой степени, в сардинском, каталанском и окситанском языках. На окситанском языке можно сказать *donatz-li d'argent* (дай ему денег) или, в северных диалектах, более близких к французскому, *vòli del pan* (вот хлеб)¹.

В сардинском и каталанском языках, где сохранилось наречие *inde*, с существительным партитивной семантики обнаруживается нулевой артикль или предлог *de*: *Bimus abba / (De abba) nde bimus* = Нас двое / Мы поговорим о настоящтеле (сардинский) – или, даже во множественном числе (*Tenia gossos / In tenia (de gossos)* = У меня были собаки) на каталанском языке

[8, p. 275]. В итальянском языке формы определённого артикля (*il/lo, i/gli, la, le*) в сочетании с предлогом *di* образуют так называемый частичный (партитивный) артикль (*del, dello, dell', della, dei, degli, delle*)².

Артикли в романских языках имеют больше общих черт при выражении определённого характера, чем неопределённого (в том числе партитива). Во французском языке используется традиционная партитивная конструкция *J'ai des livres* = У меня есть книги, тогда как в итальянском, хотя и можно сказать *ho dei libri* = у меня есть книги, достаточно поставить существительное во множественном числе: *vende libri* = продаёт книги. По мысли П. Тессе, испанские и португальские формы *unos, unas/uns, umas* на самом деле не являются артиклями, а обозначают неопределённое количество: *unos libros, uns livros* = какие-то книги. Идентичная ситуация и в румынском языке, где для этой цели можно использовать неопределённое количественное слово *niște* (некоторый) – *niște cărți* (некоторые книги) или только *cărți* (книги) [8].

Лингвист Жан Прюво подчёркивает, что в старофранцузском, испанском и некоторых других языках объектные дополнения (как и предложные дополнения) часто не имеют артикля, даже если они идентифицируемы, т. е. поддаются относительно чёткой предметизации³. Это объясняется феноменом системного языкового обобщения, где позиционирование обозначаемого предмета в высказывании (дискурсе) тематически детерминировано; если в языке есть категория «определённость», она должна быть выражена в данной конкретной позиции, но не обязательно в других синтаксических конфигурациях [9; 10]. Рассмотрим случаи употребления артиклей в испанском, португальском, румынском и французском языках.

² Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

³ Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. Paris: JC Lattès, 2014. 550 p.

¹ См.: Wheeler M. Is language the ultimate article? // Language Sciences. 2004. Vol. 26. Iss. 6. P. 701.

Артикль в испанском языке

В испанском языке существуют следующие формы определённого артикля: *el, la, los, las*. В отличие от французского и итальянского языков они не элидируются перед гласной. Неопределённые артикли *un, una*, и, как и в португальском и галисийском языках, эти формы имеют множественное число – *unos, unas*. Ряд испанистов считают артиклями только формы *el, la, los, las*. Единицы *Un, una, unos, unas* изучаются в разделах о неопределённых числах вообще и о числительных [2].

Особенностью испанского языка являются формы женского рода *un, el* перед существительными, начинающимися с тонической гласной *a* (*el agua, un águila* = вода, орёл). Их омонимия с формами мужского рода является лишь совпадением, учитывая их регулярное образование от *ILLA* и *UNA* в этой специфической фонетической среде. При образовании испанских артиклей сохранение первого слога обусловлено необходимостью различать три формы: мужского рода *el*, женского рода *la*, среднего *lo* [2, с. 187]. Эдуар Бурсье объясняет, что артикли в испанском языке происходят от таких форм, как *el(le) filio ama elo rapre*, а позже, с исчезновением склонения, формы разделились на *el* в мужском роде единственного числа и *ela* в женском роде единственного числа [11, p. 452].

Фернандес Мартин пишет о фразах без неопределённого артикля, которые он называет «голой неопределённостью». В этом смысле существуют нюансы смысла между лексемами *Son payasos* (Они клоуны) и *Son unos payasos* (Они ведут себя как клоуны). Как правило, неопределённый артикль обычно опускается в двух случаях, когда упор делается на описательное содержание существительного, а именно если существительное является признаком подлежащего, обозначающего профессию, социальный статус (*Juan es soltero* = Хуан одинок), а также в

сочетаниях, где существительное вообще обозначает что-то, что имеется только в одном экземпляре, с такими глаголами, как «иметь», «нести», «искать»: *Ana tiene coche* = У Анны есть машина [4].

Существуют также смысловые нюансы, выражающиеся в выборе между определённым, неопределённым или нулевым артиклем в единственном и множественном числе: *Me hace falta el bolígrafo* (Мне нужна ручка = объект известен); (0) *bolígrafo* (речь идёт об этом классе объектов); *un bolígrafo* (речь идёт о любом элементе этого класса предметов). Итак, в единственном числе, в отличие от французского языка, можно выразить три реализации существительного. То же самое и во множественном числе: *Me hacen falta los bolígrafos* (Мне нужны ручки = предметы известны); (0) *bolígrafos* (объекты не имеют количественной оценки); *unos bolígrafos* (единицы не определены) [2].

Многие авторы, говоря о нулевом артикле с существительным во множественном числе, подчёркивают, что он сопровождает существительное, не уточнённое по определению или количеству [2; 4; 7]. Во множественном числе нулевой артикль может употребляться вместе с существительными, обозначающими части целого, выражать неисключающее значение: *Mujeres y niños se salvaron del naufragio* = Женщины и дети спасены после кораблекрушения. В этих конструкциях ничего не говорится о возможном присутствии других людей. Что касается формы *unos/unas*, часть испанистов рассматривают её как актуализацию двух или более неопределённых единиц без указания количества (*Llegaron unos libros, pero no los miré* = Пришли какие-то книги, но я их не смотрел).

Артикль в португальском языке

В португальском языке латинские формы *ILLUM, ILLAM* привели к появлению определённого артикля (как и безударных форм объектных местоимений

о, а); формы UNUM, UNA продуцировали неопределённый артикль *um, uma*, а также формы множественного числа: *os, as, uns, umas* [8, p. 389]. Формы *o, os, a* встречаются уже в древнейших текстах [11, p. 452]. Это объясняется тем, что согласная *l* в формах типа *lo, la* исчезла из-за тесной связи артикля с сопутствующими языковыми единицами: *ama lo papre* становится *ama o padre* (любит отца).

В бразильском португальском языке, особенно в неформальных стилях, нулевой артикль может обозначать общий референт даже в тех случаях, когда это невозможно в португальском языке (единственное число объектов, подлежащее в единственном и множественном числе): *gosto de mulher brasileira; mulher brasileira canta bem, mulheres brasileiras cantam bem* (мне нравятся бразильские женщины; бразильские женщины хорошо поют, бразильянки хорошо поют), в отличие от европейского португальского языка, где требуется определённый артикль (*as mulheres brasileiras canta bem, a mulher brasileira canta bem* = бразильские женщины хорошо поют, бразильянки хорошо поют) [12, p. 395].

Отметим, что в европейском португальском языке нулевой артикль появляется только с дополнением во множественном числе и подлежащим после него, с неопределённым значением (*vi homens na praia; alugam-se quartos* = я видел мужчин на пляже; комнаты в аренду) или используется в общем виде (*gosto de mulheres brasileiras* = мне нравятся бразильские женщины). Есть сходство с румынским, а также с итальянским в том факте, что предименные притяжательные падежи сочетаются с определённым артиклем (*o meu carro* = моя машина).

В неформальном стиле речи, по крайней мере в Бразилии, возможно даже сочетание с неопределённым артиклем (*?um meu livro* = это моя книга). Притяжательный падеж может функционировать без определённого артикля, если речь идёт, например, о семейных связях

(*meu filho* = мой сын), особенно в вопросительном высказывании.

В существительном без артикля подчёркивается качество, а не сам предмет, и в этом оно близко к прилагательному, которое также определяет состояние или качество. Например: *Nessa tarde o Fidalgo da Torre, airoso no seu fato novo de monta, polainas de couro polido, luvas de camurça branca, parou a égua ao portão da Feitosa* (В тот же день Фидальго да Торре, щеголеватый в своём новом костюме для верховой езды, в полированных кожаных гетрах и белых замшевых перчатках, остановил кобылу у ворот Фейтозы) [7].

С одной стороны в перечислениях повторение артикля подчёркивает ценность каждого элемента словосочетания, придавая ему собственную яркость; с другой стороны, при употреблении одного артикля различия каждого элемента стираются и преобладает целостность.

Как видим, определённый и неопределённый артикли, чередующийся с нулевым артиклем, позволяют детализировать толкование существительного, подчеркнуть его *качество, индивидуальность* или *конкретность*.

Артикль в румынском языке

Румынский язык имеет ряд особенностей в плане артиклевого узуса. Помимо определённого и неопределённого артиклей, он обладает генитивным или притяжательным артиклем (*o fată a profesorului* = дочь профессора), а также адъективным или указательным артиклем (*Carol cel Mare* = Это Карл Великий).

Румынский язык также отличается синтаксической позицией (постпозицией) определённого артикля: он не только ставится после существительного (в мужском роде единственного числа: *profesor / profesorul, frate / fratele*), но и в женском роде единственного числа в большинстве случаев заменяет последнюю гласную (*profesoară / profesoara, fotografie / fotografiea*; но *cafea / cafeua*). Во множественном числе артикль

имеет форму *-i* в мужском роде (*profesori / profesorii*) или *-le* в женском роде (*profesoare / profesoarele*). В румынском языке сохранён средний род, но в нём нет конкретных форм артикля – в единственном числе используются формы мужского рода, во множественном числе – женского. Неопределённый артикль, в свою очередь, ставится перед существительным (*un profesor, o profesoară*); во множественном числе его форма – *niște* для всех трёх родов, хотя некоторые грамматисты утверждают, что *niște* не является артиклем и что неопределённый артикль не имеет множественного числа. В румынском языке нет партитивного артикля (Он пьёт молоко = *Bea lapte*. Это кофе = *E cafea*)¹.

Напомним о некоторых особенностях румынского языка по сравнению с другими романскими языками, а именно: 1) о склонении (*un profesor / unui profesor, profesorul / profesorului*); 2) о том, что прилагательное, стоящее перед существительным, принимает артикль (*Marea Britanie*); 3) об употреблении артикля с некоторыми существительными-интерпелляциями (*bunicle!*), но не с другими лексемами подобного рода (*nepoate!*), именами собственными, большинство из которых женского рода и оканчиваются на *-a*, что считается артиклевой формой (*Maria* – без артикля: *această Marie*), при этом имена собственные мужского рода считаются немаркированными (*Ion*).

Но главной особенностью румынского языка является правило, согласно которому существительное автоматически теряет определённый артикль после предлога (за исключением предлога *cu*). С другой стороны, если мы добавим к существительному прилагательное или дополнение, артикль снова появится (*Un elev a fost pedepsit de profesor* = Ученик был наказан учителем; *Un elev a fost pedepsit de profesorul de matematică* = Ученик был наказан учителем математики). Румынский

язык разделяет с португальским и испанским тот факт, что во множественном числе даже существительные без артикля могут выступать в качестве подлежащего (*Pe stradă trec Soldați* = По улице проходят солдаты), что невозможно в единственном числе (*Pe stradă trece soldat*). Существительное с прямым дополнением во множественном числе очень часто бывает без артикля (*Cumpără cărți* = Он покупает книги), но в единственном числе: *Cumpără o carte* = *cartea* [13].

Что касается определяющего дополнения, следует упомянуть ещё одну особенность румынского языка. Действительно, поскольку в румынском языке сохранилось именное склонение, функцию определяющего дополнения может выполнять предложное дополнение или родительный падеж. Причём родительный падеж, как и дательный, обязательно сопровождается артиклем, так как склоняется именно он, а не само существительное (*profesorul – profesorului / un profesor – unui profesor*). Если добавить правило упразднения артикля после предлога, то получится, что только родительный падеж как определительное дополнение может сохранить маркированную форму существительного. Наиболее интересным представляется румынский нулевой артикль как эквивалент партитивного или неопределённого артикля во французском языке, что приближает румынский язык к испанскому и португальскому языкам, и нулевой артикль после предлога, что является спецификой артиклевого узуса румынского языка.

Артикль во французском языке

Известно, что определённый артикль во французском языке происходит от латинских форм единственного и множественного числа. Неопределённый артикль *un, une* происходит от числительного *ŪNUS*; его множественное число *uns, unes* имело двойное значение (*unes joes – des joues* = щеки) или собирательное (*unes noveles – des nouvelles* = новости).

¹ Els diccionaris de l'Enciclopèdia.

Использование предлога *de* и определённого артикля как в единственном, так и во множественном числе обозначало акт извлечения части из определённого целого. Но, если совокупность референтов носила неопределённый характер, артикль в Средние века, как правило, не употреблялся (*manger pain* = есть хлеб) [14].

Лишь в XIII в. форма *des* заменила *uns*, *unes* во множественном числе от *un*, *une*. Интересно отметить, что грамматисты не пришли к единому мнению относительно категорий неопределённого или партитивного артикля. Только формы *le*, *la*, *l'*, *les* единогласно называются определённым артиклем. Но формы *un*, *une* для некоторых являются только числительными, форма *des* – это либо неопределённый артикль множественного числа, либо партитивный артикль, либо простая комбинация предлога и определённого артикля. Для тех учёных, которые не принимают категорию партитивного артикля, *du*, *de la*, *de l'* являются формами неопределённого артикля или, подобно *des*, сочетанием предлога и определённого артикля¹.

Подобно некоторым грамматикам, мы маркируем категорию нулевого артикля, так как нас особенно интересует противопоставление между наличием и отсутствием артикля. Определённый артикль и его употребление не являются чисто «французской» спецификой по сравнению с другими романскими языками. По мнению французских лингвистов, определённый артикль относится к более раннему отрезку истории французского языка, когда этот тип артикля: предвосхищал отрезок ситуации, отсылал к ней или к элементу, считающемуся известным. По нашему мнению, в ситуативном контексте следует различать *видимую* ситуацию, *смежную* или *общую* ситуацию. В дискурсном контексте речь может идти о буквальной или ситуативной репризе, а

также о подтекстовой семантике высказывания [8; 15].

Как известно во всех романских языках определённый артикль, как правило, употребляется с абстрактными существительными и выражает родовые отношения. Лингвист Дж. Лиман, который называет такое употребление «интенциональным», объясняет это тем, что детерминант не актуализирует существительное (не маркирует соответствующий референт), но позволяет существительному появиться в высказывании и грамматически обозначать только всеобъемлющее понятие или глобальный концепт (*L'eau est indispensable à la vie* = Вода необходима для жизни)².

Во французском языке неопределённый артикль единственного числа не представляет идиолингвистических и дискурсных особенностей по сравнению с другими романскими языками. По мысли Жана Прюво, при «точечном употреблении» неопределённый артикль выделяет конкретный элемент, который идентифицируется только по принадлежности к классу, обозначаемому существительным, и который не был предметом никакой предварительной референтной идентификации: *Une femme jouait du violon dans la salle* (Женщина играла на скрипке в зале)³.

Родовое употребление неопределённого артикля в единственном числе объясняется тем, что элемент, введённый через *un/une*, рассматривается как репрезентативный пример всего своего класса: *Autrefois un garçon ne chantait pas faux* (Раньше ребёнок не пел фальшиво). При этом настоящая дифференциация осуществляется при употреблении неопределённого артикля во множественном числе, а также – партитивного артикля.

¹ См.: Grevisse M., Goosse A. *Le Bon Usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*; 14e ed. Paris: Duculot, 2008. P. 331.

² Leeman J. Racializing language: A history of linguistic ideologies in the US Census Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vo. 3. Iss. 3. P. 533. DOI: 10.1075/jlp.3.3.08lee.

³ Pruvost J. *Le Dico des dictionnaires*. Paris: JC Lattès, 2014. P. 317.

Во французском языке использование неопределённого артикля часто является обязательным. Его отсутствие также следует определённым правилам.

Употребление предлога *de* приводит к опущению как артикля *des*, так и партитивного артикля. На самом деле артикль *des* также является разновидностью партитивного артикля, и, как показывает этимология, он часто обозначает часть целого, сформированного исчисляемыми существительными. Данные слияния предлога *de* и определённого артикля, образующие новые артикли, хотя и присутствуют в известной степени, например, в итальянском языке, являются центральной особенностью французского языка по сравнению с другими рассматриваемыми романскими языками. Напомним, что неопределённый артикль во множественном числе и партитивный артикль всё же имеют нечто общее: их эквивалентом в изучаемых языках является *нулевой артикль*. Подчеркнём ещё раз, что языки организуют значения по-разному и что значение, придаваемое определённым реалиям, варьируется от одного языка к другому.

Заключение

Итак, контрастивный подход, подкреплённый лингвокогнитивным аспектом интерпретации языкового материала, является наиболее перспективным и продуктивным с точки зрения выявления как универсальной, так и национально-культурной специфики дискурсного узуса. В результате анализа эмпирического материала выявлены как сходные, так и отличительные черты использования артикля в четырёх романских языках: португальском, испанском, французском и румынском. Сходства подтверждают первоначальные гипотезы наших ранних работ, но выявленные различия являются более перспективными для дальнейших изысканий. Рассмотренные языки обладают развитой артиклевой системой

и в общих чертах идентичны в использовании, в частности, определённого артикля. Линия лингвокогнитивного раздела проходит на уровне неопределённого и частичного артиклей.

Наибольшей маркированностью семантико-смысловой структуры отличается артикль во французском языке, особенно использование неопределённого артикля множественного числа и партитивного артикля. С лингвосемиотической точки зрения это обусловлено партикулярностью мышления коллективной языковой личности носителя французского языка. Французский язык является единственным романским языком, который системно и в постоянном режиме использует партитивный артикль. Так, для итальянского языка характерно спорадическое использование частичного артикля. Сюда же можно отнести сардинский, каталанский и окситанский языки, в которых отмечаются редкие случаи употребления партитивного артикля, в основном в устной речи.

Испанский, португальский и румынский языки, как правило, не используют неопределённый артикль множественного числа. Во всех романских языках для маркирования качественных индивидуальных характеристик обозначаемого объекта, как правило, используются чередования определённого и неопределённого артиклей, а также нулевого артикля.

Результаты исследования показали, что феномен «нулевого артикля» не является простым отсутствием артикля, а играет важную роль для передачи экстенциональных и интенциональных смыслов в дискурсном узусе всех романских языков.

К перспективам дальнейших исследований можно отнести контрастивное и лингвокогнитивное рассмотрение системы артиклей в дистантных (романо-германских и славянских) или контактирующих языках и диалектах (пикардийский диалект и французский язык).

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсейчик Ю. В. Полифункциональность лексемы *or* в старо- и среднефранцузском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 78–89. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89.
2. Рылов Ю. А. Активные процессы в испанской антропонимической системе // Испанский язык в информационном сообществе: актуальные процессы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. М.: МГИМО(У), 2006. С. 185–188.
3. Сёмина И. А. Некоторые актуальные тенденции развития словарного состава французского языка // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2023. № 3. С. 117–129. DOI: 10.31249/ling/2023.03.09.
4. Fernandez Martin P. Los generos de la lengua espanola (2014) [Электронный ресурс] // Mito. Revista cultural : [сайт]. URL: <http://revistamito.com/los-generos-de-la-lengua-espanola> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Седых А. П., Эмануэль В., Куган Е. И. Языковая и культурная идентичность: эпистемологический обзор (Linguistic and cultural identity: epistemological review) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 3. С. 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
7. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 248 с.
8. Teyssier P. Comprendre les langues romanes – du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain: méthode d'intercompréhension. Paris: Éditions Chandeigne, 2012. 400 p.
9. Хухуни Г. Т., Валуицева И. И. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93.
10. Roegiest E. Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania. Leuven: ACCO, 2009. 267 p.
11. Bourciez E. Éléments de linguistique romane. Paris: Klincksieck, réed. 1992. 814 p.
12. Parkinson S. Language (Including Brazilian Portuguese and Galician) // The Year's Work in Modern Language Studies. Vol. 53. Leiden, Netherlands: Brill, 1991. P. 388–405.
13. Bikić-Carić G. L'article en français et en roumain et ses équivalents en croate // 7^o Congrès de Linguística General (Universitat de Barcelona, del 18 al 21 d'abril de 2006). Barcelona: Universitat de Barcelona, Departament de Lingüística General, 2006 [CD-ROM].
14. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022. 152 с.
15. Banniard M. Du latin aux langues romanes. Paris: Armand Colin, 2008. 128 p.

REFERENCES

1. Auseichyk, Yu. V. (2022). Polyfunctionality of the lexeme *or* in the old and middle French languages. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 78–89. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89 (in Russ.).
2. Rylov, Yu. A. (2006). Active processes in the Spanish anthroponymic system. In: *Spanish language in the information community: current processes and prospects: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: MGIMO University publ., pp. 185–188 (in Russ.).
3. Semina, I. A. (2023). Some current trends in the development of the French language vocabulary. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics*, 3, 117–129. DOI: 10.31249/ling/2023.03.09 (in Russ.).
4. Fernandez Martin, P. (2014). Los generos de la lengua espanola. In: *Mito. Revista cultural*. URL: <http://revistamito.com/los-generos-de-la-lengua-espanola> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Sedykh, A. P., Emanuele, V. & Kugan, E. I. (2022). Linguistic and cultural identity: epistemological review. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (3), 20–37. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-2 (in Russ.).
6. Guillaume, G. (1992). *Principes de linguistique theorique*. Moscow: Progress publ. (in Russ.).

7. Moiseeva, S. A. (2005). *Semantic field of verbs of perception in Western Romance languages*. Belgorod: Belgorod State University Publ. (in Russ.).
8. Teyssier, P. (2012). *Comprendre les langues romanes – du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain: méthode d'intercompréhension*. Paris: Éditions Chandeigne.
9. Khukhuni, G. T. & Valuitseva, I. I. (2023). The preservation of the ethnic and linguistic identity: unity and contradiction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 85–93. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-85-93 (in Russ.).
10. Roegiest, E. (2009). *Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania*. Leuven: ACCO.
11. Bourciez, E. (1992). *Éléments de linguistique romane*. Paris: Klincksieck, réed.
12. Parkinson, S (1991). Language (Including Brazilian Portuguese and Galician). In: *The Year's Work in Modern Language Studies*. Vol. 53. Leiden, Netherlands: Brill, pp. 388–405.
13. Bikić-Carić, G. (2006). L'article en français et en roumain et ses équivalents en croate. In: *7^e Congrès de Lingüística General (Universitat de Barcelona, del 18 al 21 d'abril de 2006)*. Barcelona: Universitat de Barcelona, Departament de Lingüística General [CD-ROM].
14. Sedykh, A. P. (2022). *Language, Culture, Communication: The French World*. Belgorod: Epicenter publ. (in Russ.)
15. Banniard, M. (2008). *Du latin aux langues romanes*. Paris: Armand Colin publ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Седых Аркадий Петрович (г. Сочи) – доктор филологических наук, профессор кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций Московского международного университета; профессор кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: sedykh@bsuedu.ru;

Чижова Анастасия Олеговна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Института международных экономических связей;

<https://orcid.org/0009-0009-1969-1984>; e-mail: nnastik@yandex.ru;

Быканова Мария Сергеевна (г. Белгород) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры;

<https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>; e-mail: crazyplano@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkady P. Sedykh (Sochi) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of General Humanities and Mass Communications, Moscow International University; Prof., Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: sedykh@bsuedu.ru;

Anastasia O. Chizhova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Humanities and Natural Sciences, Institute of International Economic Relations;

<https://orcid.org/0000-0001-6604-3722>; e-mail: nnastik@yandex.ru;

Maria S. Bykanova (Belgorod) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Belgorod State Institute of Arts and Culture;

<https://orcid.org/0000-0001-8895-3962>; e-mail: crazyplano@yandex.ru